

Как дань памяти Р.Л. Берг далее мы предоставляем страницы нашего журнала одному из ее непосредственных учеников – д.б.н. М.Д. Голубовскому.

Мы также сочли уместным предложить вниманию читателей нашего журнала тексты двух писем из архива лаборатории генетики популяций ИЦиГ СО РАН: это письмо к.б.н., старшего научного сотрудника лаборатории генетики популяций ИЦиГ СО РАН А.В. Иванникова Р.Л. Берг и ответное ее письмо. Оба письма публикуются впервые. Письмо Р.Л. Берг выходит за рамки обычных писем – в нем представлены ее взгляды и раздумья последнего десятилетия ее жизни относительно некоторых вопросов, связанных со вспышками мутаций, волновавших Раису Львовну на протяжении всей ее жизни.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПАМЯТИ РАИСЫ ЛЬВОВНЫ БЕРГ

Есть люди, о которых хочется сказать – Явление Природы. Таковой была и остается в памяти Раиса Львовна Берг. Описать словами ее завораживающую привлекательность столь же трудно, или даже безнадежно, как вербализовать красоту баллад Шопена, красочно-чувственные соития на картинах Климта или комбинацию на шахматной доске.

На семинаре, в любом сообществе Раису Львовну выделяли по интеллекту, по грудному с эмоциональными тембровыми переживаниями голосу, по особой манере движений, поведения и богатой пафосной речи, где воспарение к высотам знаний сочеталось с присловьями и терпкими словечками, насколько это позволительно женщине. Аналогично в любой аудитории вмиг запечатлевалась личность Н.В. Тимофеева-Ресовского. Недаром эти два генетика стали соавторами памятной статьи 1958 г. о путях эволюции генотипа в сборнике «Проблемы кибернетики».

Красота биоразнообразия, сложность путей эволюции и точность законов генетики были подлинной страстью Раисы Львовны. Здесь она знала и понимала все. Эта страсть, мне кажется, была наследственной или врожденной, но несомненно и импрессирующей в раннем детстве интеллектуальной аурой и окружением ее отца, выдающегося зоолога–эволюциониста и географа академика Льва Семеновича Берга, автора известной концепции номогенеза. Со студенчества Раиса Львовна прониклась идеями

и традициями петербургской школы эволюционной генетики во главе с Ю.А. Филипченко и Н.И. Вавиловым. После окончания кафедры генетики она начала работать вместе с будущим Нобелевским лауреатом Г. Мёллером, который в 1927 г. с помощью хромосомной инженерии создал метод получения и количественного анализа мутаций в опыте и природе. Судьба мутаций в природе стала любимой темой Р.Л. Берг. После открытия вспышек мутаций в диких поселениях дрозофил она не только подтвердила положение классика генетики Гуго де Фриза о неравномерности темпа мутаций во времени, но и обнаружила феномен моды на мутации. В начале 1940-х гг. Р.Л. Берг перешла в московскую докторантуру к академику И.И. Шмальгаузену. Таким образом, она приобщилась и к московской эволюционной школе. К разностороннему тезаурусу Раисы Львовны надо добавить совершенное знание ею трех европейских языков. Раиса Львовна окончила известную немецкую «Петер шуле» в Ленинграде.

Есть три восходящие ступени познания – просто знание о чем-либо, понимание того, что знаешь и, наконец, эмоциональное отношение к постигнутому в рамках целостной гармоничной картины. Недаром в первой фразе классической статьи «Опыты над растительными гибридами» Г. Менделя стоят слова «поразительная закономерность». На вершинах эмоций возникает чувство, которое историки науки метафорически называли «синдром Пигмалиона». Творец

проникается живым чувством к постигнутой или созданной красоте так же, как Пигмалион был заморожен Галатеей.

Многим приходилось слушать Р.Л. Берг, когда она вдохновенно рассказывала о тайнах корреляционных плеяд у растений, о видах полиморфизма, о моде на мутации, когда в разобщенных поселениях дрозophil вдруг становилось модным желтое тело (yellow), сменяясь затем на искривленное брюшко (abnormal abdomen) или опаленные щетинки. Кандидатская диссертация о моде на мутации была защищена Раисой Львовной в 1937 г. Текст был тщательно выверен, машинистка допустила всего одну ошибку. Но зато какую?! Вместо популяций «разобщенных» было напечатано «разоблаченных». Такое было время.

Синдром Пигмалиона проявлялся у Раисы Львовны не только по отношению к собственным работам, но и к прозреваемым ею эволюционным следствиям, жемчужинам в работах коллег и других авторов. Исследователи нередко, вроде крыловского петуха, сами не замечали эти жемчужины в «навозных кучах» добытых ими фактов. Или же были не способны подняться над ними и вознестись к эволюционной семантике. С высоты своего эволюционного видения Р.Л. Берг в 1967–1968 гг. написала по просьбе редакции журнала «Знание–Сила» два популярных и поныне эссе «Почему курица не ревнует» и «Чем кошка отличается от собаки». С тех пор прошло почти 40 лет, но и по сию пору эти эссе выглядят свежо и крепко, как будто их не коснулась «паутина времени». Они амплифицируются ныне в Интернете на многих сайтах. В чем здесь секрет? Раскрытие глубокого эволюционного смысла знакомых всем фактов и явлений сочеталось в статьях Р.Л. Берг с изяществом и внутренней свободой повествования. Этот стиль ярко проявился и в известных мемуарах «Суховой». Я не знаю, как определить крепость и оригинальность слога, но среди женских авторов в русской прозе рядом с Р.Л. Берг можно поставить лишь несколько имен: Зинаида Гиппиус, Марина Цветаева, Надежда Мандельштам, Нина Берберова. А в экологической нише научно-художественных эссе

Раиса Львовна почти непревзойденна, включая и многочисленную мужскую половину.

Вовсе не легко сходу назвать главное типовое отличие кошки от собаки, по отношению к которому все остальное выступает как функция или производное. Раиса Львовна демонстрирует здесь логику эволюционного подхода, опираясь на корреляционные принципы Кювье. Первопричина – в технологии добычи пищи. Собака – преследует жертву, кошка – подстерегающий хищник. Отсюда идут корреляционные плеяды различий в поведении этих зверей – спутников человека. Далее цитирую Раису Львовну: *«Совершив свои отправления, кошка действует тщательно и аккуратно. Собака в той же ситуации поступает иначе. Два-три небрежных движения задними ногами, как будто на пожар спешит. Обернуться собака не дает себе труда. Ритуал совершается формально, можно сказать, бюрократически... Затаиваться, чтобы быть сытой, собаке в ее исконном состоянии не приходилось. Вонь, шум – ей все нипочем. Чистоплотность собаки весьма относительна. Поэт, у которого бесенок говорит: «Я сам в ненастье пахну псиной// И шерсть лижу перед огнем», – ошибался: запах псины и вылизывание шерсти – “две вещи несовместные” – одна – собачья, другая – кошачья. Тот, кто лижет шерсть, не пахнет ничем, иначе зачем бы он стал стараться».*

Раиса Львовна, превосходно знавшая наизусть многое из А. Блока и его окружения, цитирует и комментирует здесь известные строки Зинаиды Гиппиус из стиха «Дьяволенок».

Пожалуй, нигде столь ярко синдром Пигмалиона не проявлялся у Р.Л. Берг, как в ее совершенно уникальной способности щедро и всегласно восхищаться талантами других людей и привлекать их в свой дом, будь это в Ленинграде или в новосибирском Академгородке. Ее квартира всегда становилась салоном интеллектуалов, художников, поэтов, артистов. Прибегну к метафоре, способной хоть как-то описать стиль жизни и личность Раисы Львовны. Три девицы под окном пряли поздно вечерком и назвали свои заветные желания. Одна – на весь крещеный мир приготовила бы пир, другая – наткала бы полотно, ну а третья – родила

бы богатыря – ее и выбрал царь. Так вот, Раиса Львовна воплощала собой одновременно все эти три вечных женских ипостаси.

Она испытывала истинное удовольствие от хлебосольного гостеприимства, зная множество гурманских усад, непрерывно творя новые пищевые вариации и радуясь удачным трофеэкспромтам. В отличие от куртуазных великосветских дам французских салонов или описанных у Толстого в «Анне Каренине», у Раисы Львовны не было кухарки или повара. Все закупалось и готовилось ею самой, словно подтверждая ленинскую фантазмагорию о кухарках, управляющих государством.

Желание наткать полотна на весь мир – вторая женская ипостась – это метафора соединения разрозненных нитей бытия в целостную ткань. Идет ли речь о домашнем садике на оконных полках, «сводничестве» талантов друг с другом, организации всесоюзных совещаний по биометрии, симпозиума о тайнах художественного творчества или выставках Фалька и Филонова в Академгородке.

Цветы – воплощение красоты и гармонии в природе – были страстью Раисы Львовны. Входя в лабораторию, она первым делом устремлялась к своим «цветочкам», любовно поливая их и ухаживая за ними. И цветы отвечали ей взаимностью, роскошествуя в росте и цветении, как ни у кого другого.

С такой же страстью Раиса Львовна творила на полотнах и листах бумаги эзотерические извивы и кружева. Помню, как в экспедиции в Армению в 1964 г. поздно ночью я увидел в ее комнате свет и решил заглянуть. Она яростно ползала на коленях вокруг листа ватмана, погружая одежную щетку в тазик с краской и вода ею по бумаге. Это был период увлечения Раисы Львовны фигуративным ташизмом.

Третья женская ипостась Раисы Львовны – ро-

дить богатыря. Здесь проявлялось необыкновенное влечение Раисы Львовны к талантам во всех их проявлениях, но прежде всего в их мужских инкарнациях. Она была по-женски увлекающаяся. Талантам она прощала многое. Поэты и художники могли прийти к ней в гости в любое время суток, иногда изрядно хвадившие хмельного. Раиса Львовна их не прогоняла. Она любила общество талантливых мужчин, а они любили ее общество. В то же время Р.Л. Берг отнюдь не была «розовой и пушистой», согласно молодежному сленгу. С той же страстью, с которой она расточала похвалы, она направляла стрелы своего язвительного интеллекта против оппонентов, взгляды которых противостояли ее принципам. Порой ее богатое воображение преобладало над разумом. Она выстраивала воздушные замки и приписывала попавшему в немилость коллеге фантастические виртуальные прегрешения и злые умыслы. Словно в подтверждение мольбы поэта: *«Минуй нас пуще всех печалей и царский гнев и царская любовь»*.

И еще одна отличительная черта Раисы Львовны – аристократизм ее духа и неприступность духовной территории. Никто не мог заставить ее сказать то, что она не думает, а преступающий ее духовную территорию получал достойный и язвительный отпор. Достаточно прочитать в «Суховее» описание ее позорного разноса на закрытом ученом совете Института цитологии и генетики в 1968 г. за ее подпись в коллективном письме в защиту Синявского и Даниэля.

Раиса Львовна Берг, почившая в возрасте 93 лет в Париже, донесла до нас свет ушедшей в прошлое российской интеллигенции начала 20 века. Будем благодарны ей за это, вспоминая пушкинские строки:

*Наставникам, хранившим юность нашу,
Не помня зла, за благо воздадим.*

М.Д. Голубовский
Беркли, Калифорния, 2006 г.